

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ О ПРИЧИНАХ ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В настоящей статье, не претендующей на окончательное решение сложной и многогранной проблемы начала Пелопоннесской войны, рассматриваются данные античной традиции наряду с обзором работ ряда западноевропейских исследователей, посвященных интересующей нас теме.

В античной традиции можно выделить две версии причин возникновения Пелопоннесской войны. Первая из них принадлежит Фукидиду, вто-

рая в наиболее концентрированном виде представлена у Диодора и Плутарха. Рассмотрим прежде всего более позднюю версию. Диодор, опираясь главным образом на Эфора и, возможно, Тимея, представляет Перикла как главного виновника войны. Насколько можно судить по данным Аристофана и Плутарха, эта версия в основе своей восходит к мнению представителей кругов, враждебных Периклу. Несомненно, ряд деталей этой традиции имеет анекдотический характер¹, однако, рассматривая ее в целом, следует отметить в ней и некоторый рациональный смысл. Согласно Диодору, «Перикл, зная, что в военное время народ прославляет благородных мужей в силу необходимости, а в мирное время на них клеветает вследствие зависти и праздного образа жизни, решил, что самое подходящее для него вовлечь народ в большую войну, чтобы демос, имея нужду в доблести и руководстве Перикла, не соглашался с обвинениями против него и не располагал ни досугом, ни временем требовать от него тщательного отчета». В этом замечании Диодора удачно подмечена как психология афинских граждан, так и политическая острота момента.

В 40—30-х годах до н. э. в Афинах наблюдается обострение внутриполитической борьбы. В конце 40-х годов Периклу пришлось столкнуться с оппозицией, представляющей собой организованное олигархическое движение, возглавляемое Фукидидом, сыном Мелесия, зятем Кимона, создавшим тайную политическую организацию — олигархическую гетерию (Plut., Per. 11; Arist., Ath. Pol. 28, 2; 5). Именно сторонники Фукидида требовали от Перикла тщательного отчета об истраченных средствах (Plut., Per. 14). Однако Периклу удалось выйти победителем из этой борьбы, и Фукидид, сын Мелесия, был подвергнут ostracismu и отправлен в изгнание в 443 г. до н. э. (Plut., Per. 14; ср. IG, I², 911—912 = Tod, I², 45).

Новый этап обострения внутриполитической борьбы наметился в конце 30-х годов до н. э. В это время оппозиция Периклу была более сложной по своему составу. В ней можно выделить экстремистов, представителем которых был Клеон, консерваторов, возглавляемых Никием, и олигархов, чьим вождем после 433 г. до н. э. стал вернувшийся из изгнания Фукидид. Враги Перикла были недовольны тем, что он в течение десяти лет почти единолично правил Афинами (Thuc., II, 65, 9; Plut., Per. 15). Сознавая, что авторитет Перикла очень высок в государстве, они начали травлю его ближайших друзей и сподвижников; пострадали прежде всего Аспазия, Анаксагор и Фидий. Об этом и рассказывает нам отчасти Диодор (XII, 39, 1—2) и более подробно Плутарх (Per. 31—32). Понимая всю сложность внутриполитической обстановки, Перикл надеялся внешнеполитической активностью пресечь внутренние склоки и недовольство. Поэтому он настойчиво призывал афинских граждан к войне со Спартой (Thuc., I, 140—144).

Вместе с тем Диодор, излагая причины Пелопоннесской войны, совмещает упомянутую выше традицию с тем, что сообщает Фукидид, правда, значительно сокращая его повествование. Согласно Фукидиду, истинная причина нарушения тридцатилетнего мира состояла в том, что усиление афинян стало внушать опасение лакедемонянам и вынудило их начать войну. Касаясь причин, о которых говорилось с обеих сторон открыто и которые привели к возникновению войны (Thuc., I, 23, 5; 88), Фукидид подробно излагает события, связанные с Эпидамном и Потидеей (I, 24—66). Хотя Мегарскую псефизму он прямо не называет в качестве третьего повода к войне, тем не менее подчеркивает, что лакедемоняне настойчиво требовали от афинян отмены постановления о мегарянах, заявляя, что если афиняне удовлетворят это требование, то войны не будет (I, 139, 1). Характеризуя отношение Спарты и Афин к войне, Фукидид отмечает, что

¹ См., например, знаменитый анекдот о том, как Алкивиад советовал Периклу вообще не давать отчетов народному собранию афинян (Diod., XII, 38, 3; Plut., Alcib. 7; Apophth. 186 E; Aristod., FGrH, fr. 104). У Аристофана ничего подобного нет.

спартанцы пытались урегулировать конфликт, хотя претензии к Афинам у них были, так же как и желание воспользоваться их затруднениями (Thuc., I, 40, 5—6; 41, 1—3). Однако, когда все большее число союзников стало жаловаться на афинян, они созвали народное собрание, пригласив на него представителей союзных городов, и большинством голосов приняли решение о том, что афиняне нарушили тридцатилетний мир (Thuc., I, 67—88). Что же касается афинян, то и они, хотя сначала старались соблюдать условия мира, тем не менее не хотели упускать удобного случая, когда Коркира обратилась к ним за помощью². После того как отношения афинян со Спартой особенно обострились и война уже казалась неизбежной, афиняне созвали народное собрание, где некоторые выступили за сохранение мира и отмену постановления о мегарянах, однако Перикл сумел убедить граждан не подчиняться лакедемонянам и не бояться войны (Thuc., I, 127, 3; 140—144).

Диодор, как уже отмечалось, значительно сокращает рассказ Фукидида, тем не менее основные его положения он сохранил. Относительно подробно Диодор рассказывает о коркирских событиях (XII, 30—33), о Потидее (XII, 34, 37). Так же как и Фукидид, он придает особое значение требованию лакедемонян об отмене Мегарской псефизмы (XII, 39, 4). Подобно Фукидиду, Диодор говорит о неизбежности войны между ведущими полисами (XII, 41, 1). Наконец, Диодор с некоторыми сокращениями пересказывает две речи Перикла, объединив их в одну, в которой Перикл убеждает афинян не подчиняться лакедемонянам, а также характеризует финансовые средства и военные силы Афин.

Таким образом, можно сделать вывод, что сообщения Фукидида и Диодора, равно как и сведения других источников, взаимно дополняют друг друга, дают зримую картину начала Пелопоннесской войны и вызвавших ее причин. Однако наши рассуждения на эту тему будут далеко не полными, если мы не рассмотрим отношение к этой античной традиции современной историографии.

Со времени Бузольта взгляд Фукидида на причины Пелопоннесской войны получил широкое признание³. Общепринятое мнение отразил в своем комментарии к «Истории» Фукидида Гомм, заметив, что «основная причина Пелопоннесской войны — это афинский империализм и обусловленный им страх спартанцев»⁴. Однако в последнее время некоторые исследователи пересмотрели сложившуюся точку зрения о Пелопоннесской войне. С одной стороны, это обусловлено, по-видимому, определенной тенденцией, наметившейся в литературе, к переоценке отдельных выводов древних авторов⁵. В этой связи некоторые исследователи, отвергая мнение

² В это время афиняне заключили союзные соглашения с Регием и Леонтинами (см. Bengtson H. Die Staatsverträge des Altertums. Bd II. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr. München, 1962, S. 81—84, № 162—163; см. там же указания на литературу). После основания Амфиополя в 437 г. (Thuc., IV, 102; Diod. XII, 32, 3) афиняне активизировали свои действия во Фракии и в Македонии (Thuc., I, 57, 2—5; Diod., XII, 34, 2; ср. Bengtson. Op. cit., S. 85, № 165; см. там же ссылки на литературу; Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. V. I. Oxf., 1960, p. 200 ff.).

³ Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III. Gotha, 1904. Ht. 1, S. 438; Ht. 2, S. 758, 761; Meyer Ed. Forschungen zur alten Geschichte. Bd. II. Halle, 1899, S. 296—326; Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. II. 1. B., 1924, S. 297; idem. Die attische Politik seit Perikles. Lpz., 1884, S. 22; Glotz G., Gohén R. Histoire grecque. T. II. P., 1929, p. 604—607; De Sanctis Gaetano. Storia dei Greci. II. Firenze, 1963, p. 257—258; Bengtson H. Griechische Geschichte. München, 1969, S. 217.

⁴ Gomme. Op. cit., p. 152.

⁵ В этой связи следует отметить, например, работу М. Лэнг, посвященную Ионийскому восстанию (Lang M. Herodotus and the Ionian Revolt. — Historia, 17, 1968, p. 24 ff.; наши замечания об этой работе см. Строгоцкий В. М. Ионийское восстание и позиция Спарты. — ВДИ, 1973, № 3, с. 134), в которой автор отвергает геродотовскую версию об этом восстании и, исходя из его же фактов, реконструирует, как ей представляется, подлинно исторические события. Авторы некоторых работ пытаются доказать, что рассказ Фукидида о Павсании и Фемистокле не заслуживает доверия

Фукидида, пытаются реконструировать подлинные, как они считают, причины войны ⁶.

С другой стороны, появление этого взгляда объясняется также и тем, что исследователи обнаружили в тексте Фукидида противоречие между анализом фактов, сообщаемых историком, и его общим выводом. Одни ученые объясняют это противоречие особенностями композиции I книги Фукидида ⁷. Они полагают, что I книга состоит из сюжетов, написанных Фукидидом в разное время, поэтому и появились у Фукидида две версии причин Пелопоннесской войны, из которых ранняя трактовала войну как следствие принятия Афинами Мегарской псефизмы и ссоры Коринфа с Афинами из-за Коркиры и Потидеи. Согласно поздней версии, Фукидид якобы стал считать истинной причиной растущее могущество Афин и вызванный этим страх Спарты.

Подобные выводы, касающиеся композиции I книги Фукидида, фактически возрождают предмет рассмотрения многочисленных немецких исследований XIX в. Другие исследователи, указывая на это противоречие, считают, что Фукидид просто оставил без объяснения то, что он имел в виду под истинной причиной войны ⁸. Однако этот вывод закрывает путь для любых дальнейших исследований в этой области и совершенно не придает значения всему содержанию I книги Фукидида, с чем невозможно согласиться.

Наиболее детальное обсуждение причин Пелопоннесской войны предложил в двух обширных главах своей монографии Кэген ⁹. Он обратил внимание на отрицательные стороны концепций своих предшественников, но признал правильным замечание об имеющемся в тексте Фукидида противоречии между анализом событий и его общим выводом. Кэген считает ошибочным заключение Фукидида о том, что подлинной причиной Пелопоннесской войны было растущее могущество Афин и вызванный этим страх лакедемонян. Эти причины, по его мнению, были присущи так называемой первой Пелопоннесской войне. Вторая же Пелопоннесская война не была ими обусловлена, поскольку между 445 и 435 гг. до н. э. не наблюдалось расширения экспансии Афинской державы, а Спарта в это время не испытывала особого страха перед Афинами (с. 346). Наконец, события в Эпидамне, Потидее и Мегарская псефизма сами по себе не создавали ситуации, при которой Пелопоннесская война становилась неизбежной (с. 347). Автор книги рассматривает эту войну как результат цепи случайных факторов. По его мнению, Коринф, стремясь сокрушить своего традиционного врага, Коркиру, надеялся на то, что Афины, соблюдая условия тридцатилетнего мира, не вмешаются в этот конфликт. Афины же боялись, что поражение Коркиры приведет к нарушению морского господства, что было основой их безопасности. Поэтому, оказывая помощь Коркире, они надеялись нейтрализовать Спарту (с. 348 слл.). Перикл своими действиями по отношению к Мегарам и Потидее, как считает автор книги, дал военной партии лакедемонян повод втянуть Спарту и ее союзников в большую войну. Никто не планировал Пелопоннесскую войну, отмечает

(Lang M. Scapegoat Pausanias.— *ClJ*, LXIII, 1967/68, p. 80 ff.; Meiggs R. The Athenian Empire. App. 4. Oxf., 1972, p. 465—468; Sealey R. A. A History of Greek City-States in 700—338. Berkeley—Los Angeles, 1976, p. 240 ff.; Konischi H. Method in the Episodes of Pausanias and Themistokles.— *AJPh*, XLI, 1, 1970, p. 52—69), и на этом основании стремятся восстановить события с наибольшей, по их мнению, степенью достоверности.

⁶ Sealey R. Thucydides, Herodotus and the Causes of War.— *ClQ*, VII, 1957, p. 1—11; *idem*. The Causes of the Peloponnesian War.— *ClPh*, 70, 1975, p. 89—109; *idem*. A History..., p. 319 ff.; Kagan D. W. The Outbreak of the Peloponnesian War. N. Y., 1969, p. 345 ff.; De Ste Croix G. E. M. The Origin of the Peloponnesian War. N. Y., 1972.

⁷ Schwartz Ed. Das Geschichtswerk des Thucydides. Heildesheim, 1960; Sealey. Thucydides..., p. 1—11.

⁸ Momigliano A. Studies in Historiography. L., 1966, p. 117—118.

⁹ Kagan D. W. The Outbreak of the Peloponnesian War. N. Y., 1969.

Кэген, но каждая из трех великих держав (Коринф, Спарта и Афины) бросила искру, и разгорелось пламя войны.

Де Сент Круа, исследуя проблему возникновения Пелопоннесской войны, выдвинул два основных положения¹⁰. Во-первых, война, по его мнению, произошла только в результате пелопоннесской агрессии; афиняне постоянно поступали очень корректно. Во-вторых, в принятии Мегарской псефизмы афиняне не руководствовались крайними мотивами, но лишь стремились вернуть священную землю Элевсина, которую захватили мегарцы. Близкую к этой концепцию выдвинул Р. Сили в двух своих последних работах¹¹. В свое время статья Сили «Фукидид и Геродот и причины войны», опубликованная в 1957 г., вызвала ряд критических замечаний¹². Теперь автор попытался рассмотреть проблему, как он замечает, под другим углом зрения. Сили отмечает, что, даже если бы Фукидид не написал свою знаменитую фразу об истинных причинах войны, можно было бы считать, что она обусловлена афинским империализмом и ответом на него Спарты. В первые две декады существования Делосской симмахии и во время первой Пелопоннесской войны можно, как отмечает автор, найти немало примеров, подтверждающих этот вывод, который, однако, вступает в противоречие с анализом событий 445—435 гг. до н. э. Для афинской внешней политики этого времени характерна скорее консолидация, чем экспансия; что же касается пелопоннессцев, то они в этот период не испытывали особого страха перед афинянами. Поэтому, характеризуя отношение Спарты и Афин к войне, Сили указывает на различие целей каждого из этих государств. Лакедемоняне, выдвигая лозунг автономии, фактически требовали, чтобы афиняне расформировали их державу и предоставили полную независимость их союзникам. Иными словами, спартанские цели были безграничны, и достижение их возможно было только с помощью тотальной войны. Что же касается Афин, то, стремясь консолидировать свою державу, но не расширять ее, и не имея намерений сокрушить пелопоннессцев, они в силу этого ставили перед собой ограниченные цели, для достижения которых не требовалось тотальной войны.

Итак, общим для всех отмеченных работ, несмотря на то, что в одних мнение Фукидида отвергается совершенно, в других исследователи стараются его дополнить и уточнить, является сомнение в правильности выводов историка. Естественно, возникает вопрос, каким образом Фукидид сумел убедить большинство своих читателей — не только древних, но и современных. Ответ на этот вопрос, как утверждает Кэген, довольно прост. Главным средством для этого были подбор одних фактов и умолчание о других, соответствующая система доказательства и речи, которые свидетельствуют о том, что Фукидид приписывал людям мотивы, идеи и цели, аутентичность которых трудно доказать. Однако, приняв точку зрения Кэгена, мы должны признать, что Фукидид сознательно ставил перед собой цель ввести в заблуждение как своих современников, так и потомков. Но такой вывод едва ли можно считать конструктивным. Он всего лишь рецидив гиперкритицизма. Кэген фактически повторяет давно отвергнутые обвинения, выдвинутые против Фукидида Х. Мюллером-Штрюбингом и Ю. Шварцем, в субъективизме и ограниченности, в сокрытии истины и умышленной неясности изложения с целью сбить читателей с толку, в педантизме и доктринерстве¹³. Однако в отношении древних авторов, будь то Фукидид или Диодор, историк должен считать своей первой обязанностью не отвергать известий, но объяснять и истолковывать их, прибегать же к предположениям можно только при совершен-

¹⁰ *De Ste Croix. The Origins...*

¹¹ См. прим. 6.

¹² *Andrewes A. Thucydides on the Causes of War.*— *ClQ*, IX, 1959, p. 223—239; *Kagan. Op. cit.*, p. 364 ff.

¹³ *Müller-Strübing H. Thucydidische Forschungen.* Wien, 1881; *Schwartz J. Die Demokratie.* Lpz, 1884.

ном отсутствии прямых указаний¹⁴. Внимательное рассмотрение той части Введения, в которой Фукидид характеризует метод своей работы (I, 20—23), убеждает нас в том, что Фукидид ставил перед собой более серьезные цели, нежели приписываемые ему Кэгеном.

Не лучше обстоит дело с ответом и на другой важный для решения нашей проблемы вопрос. Каким образом и почему Фукидид пришел к соответствующим выводам? Объяснения, которые приводит Кэген, нельзя признать удовлетворительными. Так, например, исследователь утверждает, что упомянутый выше вывод Фукидида о причинах Пелопоннесской войны (I, 23) был обусловлен его полемикой с популярным представлением о том, что причинами войны были действия Перикла и Мегарская псефизма (с. 372 сл.). О том, что такой взгляд действительно был распространен в Афинах, уже говорилось, однако отношение к нему Фукидида не было таким, как его представляет Кэген. Анализ суждений Фукидида позволяет признать, что хотя он и называл Мегарскую псефизму среди причин Пелопоннесской войны, но не считал ее важной. По его мнению, то, что война вспыхнула в данный момент, было обусловлено прежде всего событиями вокруг Коркиры и Потидеи (Thuc., I, 67, 4; 139; 140, 3; 144, 2)¹⁵. Другую причину, побудившую Фукидида высказать соответствующее мнение, автор видит в том, что он, будучи якобы ревностным почитателем Перикла, стремился представить его как проницательного государственного деятеля, способного предвидеть неизбежность войны. Здесь, как говорится, комментарии излишни. Оценка Фукидидом Перикла как выдающегося государственного деятеля общеизвестна, однако она не дает основания говорить о преклонении перед ним историка, тем более что отношение Фукидида к политической форме правления в Афинах во время Перикла решается в литературе далеко не однозначно¹⁶.

Только в одном случае Кэген близко подошел к серьезному решению вопроса, но сказал об этом мимоходом и с большой долей скептицизма по отношению к Фукидиду. Кэген пишет, что Фукидид, веря в свойство человеческой природы повториться когда-либо в будущем в том же самом или подобном виде, стремился показать действие наиболее общих законов, определявших поведение людей. Однако тут же замечает, что, хотя в силу этих причин многие ученые сравнивали Фукидида с современными историками, однако он гораздо менее современен, чем Геродот (с. 373). Это замечание Кэгена находится в тесной связи с популярной сейчас в западной историографии античности историко-философской теорией Колингвуда, согласно которой «Фукидид не был последователем Геродота в развитии исторической мысли. Он был человеком, у которого историческая мысль Геродота оказалась задавленной антиисторическими мотивами»¹⁷. Главное доказательство антиисторизма Фукидида Колингвуд, а вслед за ним и Кэген видят в речах историка, в которых, как они считают, больше выдумки, чем истории¹⁸. Здесь не место рассматривать сложную историографическую проблему об особенностях речей Фукидида, хотя мы должны отметить, что есть немало серьезных работ, в которых проблема речей Фукидида решается совершенно иначе¹⁹.

¹⁴ Это важное замечание М. С. Куторги (Греко-персидские войны. М., 1858, с. 17) не утратило своей ценности и сегодня.

¹⁵ См. об этом более подробно: Доватур А. И. Фукидид и Мегарская псефизма Перикла. — ВДИ, 1982, № 1, с. 129—134.

¹⁶ Обзор различных мнений об отношении Фукидида к Периклу см. Stahl H. P. Thucydides. Die Stellung des Menschen im geschichtlichen Prozess. München, 1966, S. 24 ff.; 57 ff.; 76 ff.; Westlake H. D. Individuals in Thucydides. Cambr., 1968, p. 23 ff.

¹⁷ Колингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980, с. 31.

¹⁸ Там же, с. 31—32.

¹⁹ О речах Фукидида см. следующие специальные работы: Regenbogen O. Thukydides. Politische Reden. Lpz, 1949; Egerman F. Thukydides über die Art seiner Reden und über seine Darstellung der Kriegsgeschichte. — Historia, 21, 1969, S. 575—602; The Speeches in Thucydides. A collection of Original Studies with Bibliography. Ed. by

Но даже если мы согласимся с тем, что риторика в значительной степени снижала достоинства греческой историографии (правда, ее всевластие над ней окончательно определилось только в IV в. до н. э.), тем не менее нельзя не признать, что историческая концепция Фукидида характеризовалась рядом важных теоретических положений, которых не могло быть в геродотовской концепции и без которых было бы немыслимо возникновение современной европейской историографии. Если Геродот интересовали прежде всего сами события и он обращался к чувствам людей, то Фукидид воздействовал на их разум и интересовался закономерностями событий²⁰. Развиваемые Фукидидом идеи причинности и законосообразности, согласующиеся с его рационалистическим в своей основе мировоззрением, — это, пожалуй, и есть самое важное, без чего суждение Фукидида о причинах Пелопоннесской войны невозможно понять. Если мы признаем Пелопоннесскую войну как результат закономерного процесса развития отношений между полисами, то тогда не обнаружим никакого противоречия между общим выводом Фукидида и его анализом конкретных исторических фактов.

Проводя различие между истинной причиной войны и теми причинами, о которых с обеих сторон говорилось открыто, Фукидид тем самым утверждает, что Пелопоннесская война явилась результатом взаимодействия главной внутренней и второстепенных внешних причин. Под главной, или внутренней, причиной Фукидид понимал укрепление могущества Афинской державы. Эту проблему Фукидид решает, исследуя в своей I книге целый ряд факторов, способствовавших усилению Афин. Саму идею возникновения Афинской морской державы Фукидид превращает в один из узловых вопросов греческой истории²¹. В этой связи мы считаем неправильным противопоставлять период 445—435 гг. до н. э. предшествующему времени 478—446 гг. до н. э. Во-первых, сам Фукидид считал тридцатилетний мир не более чем передышкой (I, 66) и события последнего предвоенного десятилетия отделял от всего предшествующего периода, в рамках которого рассматривал рост афинского могущества. Во-вторых, примеры экспансии Афин во время этого десятилетия тоже имели место²², так что и после заключения тридцатилетнего мира Афины не прекратили расширять могущество своей державы. В-третьих, консолидация Афинской державы если не предусматривала широкомасштабной экспансии, тем не менее была направлена на усиление Афинской архэ, что в любом случае не могло не вызывать опасения у Спарты и ее союзников. При этом важно отметить, что Фукидид, определяя истинную причину войны, делает акцент не на экспансию, а на усиливающееся господство афинян.

К числу внешних, второстепенных причин Фукидид прежде всего относит события в Эпидамне и Потидее, которые привели к конфликту между Коринфом и Афинами и сделали войну неизбежной. Кэген и другие исследователи, отрицая закономерность Пелопоннесской войны и считая ее, как мы уже отметили, результатом совокупности случайных факторов, отвергают также тезис Фукидида о неизбежности войны. Кэген полагает, что события в Эпидамне и Потидее имели совершенно локальный характер и не могли оказать влияние на международные события в Греции (с. 351).

P. A. Stadter. Chapell Hill Univ. of North Carol., 1973; Wimmer H. Die Thukydideischen Reden in der Beleuchtung durch den (logos) Satz. Inaug. Diss. Regensburg, 1973.

²⁰ Критические замечания по поводу рассуждений Колингууда об антиисторизме Фукидида см. также: Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1981, с. 136.

²¹ Beyer R. Das Proömium des Thucydides. Marburg, 1971, S. 47; Немировский А. И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979, с. 58 сл.

²² В 437 г. до н. э. Перикл совершил морскую экспедицию в Черное море (Plut., Per. 20). В это же время афиняне вывели своих колонистов в Синопу и, возможно, в Амис (Plut., Per. 20). Затем, как уже говорилось, афиняне заключили союзные соглашения с Регием и Леонтинами и начали расширять свое влияние во Фракии и Македонии.

По его мнению, можно было бы избежать конфликта между Коринфом и Афинами, во-первых, если бы коринфяне поступали благоразумно и не руководствовались в своих действиях иррационалистическими мотивами; во-вторых, если бы Перикл не проявлял к потидеянам неумеренную жесткость, предъявив им ультиматум (с. 353).

В данном случае автор подменяет объективный анализ событий субъективистским рассуждением типа «что было бы, если бы». В действиях Коринфа Кэген не видит никаких других мотивов, кроме мести традиционному противнику и имперского высокомерия по отношению к зарвавшейся в амбициях колонии. Что же касается Афин, то они, как отмечает автор, не желали подчинения Коринфом Коркиры, так как это привело бы к нарушению равновесия сил между Пелопоннесским и Афинским союзами. Поэтому, поддержав Коркиру, афиняне делали все, чтобы не повредить условиям тридцатилетнего мира и не вовлечь Спарту в этот конфликт.

Действительно, насколько можно судить на основании сообщения Фукидида, Афины отказались принять Коркиру в союз, заключили с ней лишь эпимахию и всячески старались локализовать этот конфликт. Спарта же вообще добивалась разрешения возникших противоречий мирным способом, с помощью третейского суда. Между тем объективные условия показывали, что конфликт этот неизбежно должен был перерасти в большую войну. Факт укрепления афинского могущества был налицо. Поэтому Коркира с ее стратегически важным географическим положением и огромным флотом становилась предметом неразрешимых мирным путем или даже с помощью ограниченного конфликта споров между Коринфом и Афинами, которые неминуемо вели к войне.

Кэген неправ, когда утверждает, что Коринф в своих отношениях с Коркирой руководствовался только иррационалистическими мотивами. Коринф, для которого путь в Южную Италию и Сицилию был жизненно важным, не мог допустить утверждения в Адриатике господствующего положения Коркиры и Афин. Афиняне не хотели упускать из рук Коркиру, имевшую большой флот и удобно расположенную на пути в Западное Средиземноморье. Попытки укрепить свое влияние на этом пути Афины предпринимали еще в начале V в. до н. э. В 70-е годы до н. э. Фемистокл, выполняя роль третейского судьи в споре между Коринфом и Коркирой из-за Девкады, принял решение, более благоприятное для коркирян (Thuc., I, 136, 1; Plut., Per. 24). В 40-е годы афиняне, участвуя в основании Фурий (Diod., XII, 9—11; Strabo, VI, 1, 13; Plut., Per. 11), надеялись, что эта колония будет центром распространения их влияния в Западном Средиземноморье, но эти надежды не оправдались. Однако афиняне в течение 50—30-х годов V в. до н. э. заключили три важных для них союзных соглашения с Эгестой, Регием и Леонтинами²³. Поэтому заключение оборонительного союза с Коркирой было вполне закономерным актом внешней политики Афин, направленной на укрепление их могущества в этом регионе.

События в Потидее еще более приблизили развязку. Как уже отмечалось, Кэген считает, что конфликт между Коринфом и Афинами мог быть исключен, если бы Перикл действовал более умеренно и не предъявлял ультимативных требований Потидее. Однако для историка гораздо важнее выяснить не то, что было бы, если бы Перикл поступил иначе, а почему он действовал именно таким образом. И в этом случае, как следует из источников, действия афинян, и, в частности, Перикла были обусловлены их стремлением утвердить свое влияние на фракийском побережье и в Македонии. Это подтверждается целым рядом фактов, среди которых можно отметить увеличение фороса, вносимого городами Халкидики в об-

²³ О союзе Афин с Эгестой см. Bengtson. Die Staatsverträge..., S. 41, № 139; см. также указания на литературу. О заключении союза с Регием и Леонтинами см. прим. 2.

песоюзную казну²⁴, основание Амфиополя (Thuc., IV, 102, 2—3; Diod., XII, 32, 3), разрыв отношений с Пердиккой и заключение союза с его братом Филиппом и Дердою, сообщая враждовавшими с македонским царем (Thuc., I, 57, 1—3), и, наконец, ультиматум Потидее, которая, оставаясь коринфской колонией, входила в состав Афинского морского союза (Thuc., I, 56, 2; Diod., XII, 34). Дело усугублялось тем, что Коринф и македонский царь Пердикка стали подстрекать Потидею, халкидян и ботиев к восстанию, а это могло повлечь за собой восстание и других союзников, тяготившихся афинским господством.

Таким образом, события в Эпидамне и Потидее, которые Фукидид называет поводами к войне, как мы пытались показать, действительно сделали ее неизбежной. Вместе с тем Фукидид отмечает (I, 66), что война еще не вспыхнула, так как коринфяне действовали на свой страх и риск, и формально еще продолжало сохраняться перемирие. Среди тех факторов, которые непосредственно способствовали тому, что лакедемоняне и пелопоннесцы официально признали расторжение тридцатилетнего мира, Фукидид (I, 67—71) называет жалобы эгинян членам Пелопоннесского союза на то, что афиняне вопреки условиям тридцатилетнего мира не предоставили им автономии, и мегарян, обвинявших афинян в том, что они вопреки договору приняли постановление о недопущении их в гавани Афин и афинских союзников²⁵, а также подстрекательские действия и речи коринфян.

После того как пелопоннесские союзники приняли решение начать войну (Thuc., I, 125), предложением к ней послужило требование лакедемонян распустить Афинский морской союз и предоставить эллинам автономию, а также последовавший затем категорический отказ афинян.

Итак, как мы пытались показать, между изложением Фукидидом последовательно совершавшихся событий и его интерпретацией их нет противоречий, если мы вслед за историком признаем, что Пелопоннесская война явилась закономерным результатом развития межполисных отношений в Греции со времени возникновения Афинского морского союза и была вызвана рядом внутренних и внешних причин.

В заключение необходимо сказать несколько слов о тенденции, наметившейся в современной литературе, видеть в Спарте главного виновника войны и уменьшить или даже совсем снять ответственность за ее развязывание с Афин. Прежде всего обратим внимание на интерпретацию суждения Фукидида об истинной причине войны.

Сопоставив английские переводы этого места (Смита, Кроли, Сили) с оригиналом, мы считаем, что перевод Сили и русский перевод Мищенко более всего соответствуют тексту Фукидида²⁶. Между тем такая интерпретация этого текста не подтверждает известного вывода Сили о тотальной войне, к которой якобы стремились лакедемоняне, и ограниченной, планы которой вынашивали афиняне. Такое толкование этого пассажа заставляет также отвергнуть и попытку де Сент Круа оправдать Афины, полностью сняв с них всякую ответственность за развязывание войны. Материал источников показывает, что и Спарта и Афины в равной степени проводили захватническую политику. Это подтверждается также анализом часто употребляемого Фукидидом термина *ἀσφάλεια*, с помощью которого он характеризует политику Спарты и Афин. С точки зрения Фукидида политика Афин определялась страхом перед возможностью потери своего господства и стремлением обезопасить его путем расширения и укрепления афинского могущества. Эту мысль мы встречаем в речи афинских по-

²⁴ Gomte. Op. cit., p. 211.

²⁵ См. прим. 15.

²⁶ Accus. cum infin. ... τοὺς Ἀθηναίους ... ἀναγκάζει, зависящий от глагола ἵσχυμαι, требует перевода, предложенного Мищенко и Сили.

слов в Спарте в 432 г. до н. э. (I, 75, 3—4), но особенно ярко она отразилась в знаменитом диалоге афинян и мелосцев (V, 85—113)²⁷.

Что же касается лакедемонян, то принцип безопасности в политике Спарты предусматривал необходимость для нее бороться за сохранение и укрепление своей гегемонии, ибо только таким образом она могла обеспечить жизнеспособность своего внутреннего порядка, так как поражение привело бы к потере ею союзников и открыло бы дорогу для проникновения в Спарту демократических порядков. Поэтому Фукидид неоднократно замечает, что ради своей безопасности лакедемоняне установили олигархические режимы в городах Пелопоннеса (I, 19; 76,1; 77,6). Эту же мысль Фукидид проводит и в речах Брасида (IV, 87,3; 114,3). Исходя из принципа *ἀσφάλεια*, лакедемоняне подобно афинянам стремились укрепить свое господство, действуя по отношению к союзникам с позиции силы (Thuc., I, 77,6).

Вместе с тем следует отметить, что политика Спарты и политика Афин были различны — каждая скорее отличалась внутривидовым характером и была обусловлена особенностями социально-экономической и политической структуры государств и своеобразием черт, характеризующих их внешнюю политику. На это и указывает Фукидид, говоря, что афинская внешняя политика характеризуется решительностью, энергичностью, динамизмом, стремлением к новшествам (I, 70). Не в последнюю очередь, как мы уже отметили, это связано с особенностями внутриполитической жизни Афин, насыщенной острыми конфликтами, борьбой политических группировок.

Для спартанской внешней политики были характерны нерешительность, медлительность, недоверие, консерватизм. Эти качества были обусловлены особенностями социально-экономической и политической организации спартанского общества. В силу этих причин, а также потому, что спартиаты в большинстве своем добровольно принимали такую систему жизни, в Спарте не возникло группировок типа Афинской демократии, аристократии и олигархии. Внутриполитическая жизнь спартанского общества характеризовалась относительной стабильностью и спокойствием. После расправы над Павсанием в 70-е годы V в. до н. э. вплоть до времени Лисандра мы практически не знаем о каких-либо политических волнениях в Спарте. Однако по мере расширения и укрепления Афинской архэ лакедемоняне все более начинают осознавать, что власть не статична и если она не расширяется, то способна сокращаться²⁸. Поэтому, когда для обеих сторон стало ясно, что война неизбежна, они решили ее вести всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

В. М. Строгоцкий

²⁷ Употребление термина *ἀσφάλεια* в таком же контексте (см. Thuc., I, 75,5; VI, 18, 2—7; 83, 2—3; VII, 1—3).

²⁸ Woodhead A. G. Thucydides on the Nature of Power. Cambr., 1970, p. 114 ff.

THE ANCIENT TRADITION ON THE CAUSES
OF THE PELOPONNESIAN WAR AND SOME MODERN VIEWS
ON THE SUBJECT IN WEST EUROPEAN HISTORIOGRAPHY

V. M. Strogetskey

In the author's view the accounts given by Thucydides, Diodorus and other ancient sources complement one another. The author finds that attempts made by some modern historians to question Thucydides's judgment as to the causes of the war come to nothing. The war did not result from a chain of accidental circumstances, as certain modern West European historians suppose, but from the consistently evolving series of interpolis relations which Thucydides so ably demonstrates. The author also objects to the efforts made to lay the blame for the outbreak of war chiefly on Sparta, leaving Athens free of all responsibility for this. The sources show that the policies conducted by both Athens and Sparta had imperial aims, which inevitably led to war between them.